Комбат Найтов

Оружейник-2



БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Оружейник-2

«Автор»
2026

Найтов К.

Оружейник-2 / К. Найтов — «Автор», 2026

Был в российской империи очень интересный человек: Путилов Николай Иванович. Морской офицер, инженер, ученый-математик, оружейник, кораблестроитель, предприниматель. Участвовал в создании двух крупнейших военных заводов того времени: Обуховского и Путиловского. Создал первый в России серийный паровой двигатель, первый прокатный стан, участвовал в обороне Санкт-Петербурга и Кронштадта. Но его обанкротили и умер он в бедности. А что если ему немного помочь?

© Найтов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Происшествие на берегу Мсты 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Комбат Найтов
Оружейник-2

Глава 1. Происшествие на берегу Мсты

Лето! Мста у Боровичей – небольшая речушка, правда – порожистая, но это выше по течению, юго-восточнее самих Боровичей. Здесь, у Волока, она спокойная, мелей только много. Тепло и рыба особо не клевала. На берегу сидел небольшого росточка мальчик с удочкой. За спиной у него был не слишком большой чугунный забор, за которым проглядывалась красная крыша какого-то дома. Мальчик решил поменять место, перебраться в тень, так как здесь появилось солнце и требовалось уйти под деревья. Удочку он вынимать не хотел, поплавок медленно катился по течению метрах трех от берега. Поднял с земли курточку и двинулся в сторону ивовых кустов. Почти дошел до них, здесь река делала поворот и меняла направление течения. Снасть подходила к небольшой мели. Мальчик начал приподнимать удочку, в этот момент крючок за что-то зацепился. Стараясь не оборвать лесу, а это была просто суровая нитка, маленький рыбак аккуратно потянул поплавок к своему берегу. Неожиданно натяжение резко уменьшилось, затем он почувствовал, что у него еще один зацеп. Всплыла какая-то ветка. Несмотря на молодость, рыбак он был опытный, еще отошел назад, затем, перебирая удилище дотянулся до лесы, и подтянул снасть на мелкое место. Скинул ботиночки, оставил их на берегу и вошел в воду в коротких штанишках. Взял рукой ветку и вышел на берег, без поворота назад. Еще в реке он увидел: что поймал! Крючок зацепился за нательный крест, а цепочка за ту самую ветку. Осторожно освободив крест-тельник вначале от ветки, а потом от крючка, мальчик удивленно осмотрел улов, который был весь в тине и грязи. Промыв его водой, увидел желтый металл, несколько прозрачных камней имитировали гвозди на распятии. Кроме того, на цепи висело обручальное кольцо. Рассмотрев всё это, он побежал домой. Отца дома не было, он на службе. Кухарка будет позже и покормит его. Он вышел во двор и направился к летней кухне, надеясь на то, что там еще горит печь и будет возможность вскипятить ковш с водой. Но нет, дрова экономили, печь была еле теплой. Пришлось положить украшение в комод, а самому заняться кольцом. Едва провел влажной тряпочкой по внутренней стороне кольца, как увидел темные буквы: «Т. В. П.» и мелкие цифры «15. 7. 1819 р. Х». Ему эти буквы и цифры ничего не говорили. Кольцо было небольшого диаметра, но довольно широким. Спустя два часа во дворе появилась кухарка, которая развела огонь в летней печи и принялась что-то чистить и резать. Мальчик воспользовался этим и успел вскипятить ковш с водой. Пока она возилась с обедом, он успел полностью отмыть находку. И спрятал её в комод в своей комнате. После этого вспомнил, что отец просил перевести два каких-то письма с французского на русский, чем и занимался до обеда. В дверь постучали и из-за двери послушалось:

- Барчук, Николенька, пожалте потчевать, обед стынет!

- Я сейчас! – ответил мальчик, убрал написанное, положил перо так, чтобы ничего не испачкать, и выскочил в столовую. Глафира и её молодой муж были единственными крепостными в имении. Глафира выполняла всю «женскую» работу в небольшом имении, а её муж занимался садом, клумбами, колол дрова и был истопником. Вместе они ездили на двуколке в город, если что-то требовалось купить в лавке или на рынке. Отец мальчика служил в водной полиции помощником полицмейстера, был заседателем уездного суда в Боровичах и заместителем уездного земского исправника. Имел чин титулярного советника, что позволило ему получить право на потомственное дворянство, был сыном коллежского секретаря, который имел только личное дворянство. Так что, возвращался довольно поздно. Мать Николай не помнил: она умерла от родовой горячки. От нее остался единственный портрет.

После обеда, Коля дописал переводы писем. У него был красивый почерк, и отец часто поручал ему подобные задания. Барчук улегся на диван, вытащил из-под подушки новенькую, и совсем не детскую, книжку «Le Dernier Jour dun condamné» Виктора Гюго и увлекся чтением, которое шло несколько с трудом: приходилось частенько заглядывать в словарь. Эту книгу ему передал его преподаватель по французскому языку мсье Шарль Леруа, бывший французский офицер, добровольно сдавшийся в плен зимой 1813-го года, и оставшийся в России. Отец хотел отправить сына в морскую роту Александровского кадетского корпуса, а «языки» в море обязательны, то ему пришлось нанять, дополнительно, «носителя французского». Впрочем, Николаю эти занятия нравились. Несмотря на прошедшую войну с Наполеоном I, основным языком высшего света оставался французский.

Лишь услышав стук копыт и голос отца, обращавшийся к Тимохе, чтобы тот придержал лошадь, мальчик быстро сунул под диванную подушку книгу и поставил на полку шкафа словарь.

- Папенька! С приездом!

- А ты куда делся? Почему не завтракал?

- Я завтракал, уходил на рыбалку.

- По выбрасываю я, как-нибудь, все твои удочки! Заниматься надо, иначе в корпус не примут.

- Я занимался, когда вернулся с рыбалки. И письма для тебя перевел.

- Ну, тогда ладно, Проходи в дом, держи мой портфель, я сполоснусь и будем ужинать. Глафира, мыло и полотенце!

Дороги сейчас пыльные, так что, это вполне необходимое занятие.

После ужина отец ушел в свой кабинет. Николай немного подумал, услышав, что за Глафирой хлопнула боковая дверь, он достал из комода находки и постучался в кабинет отца.

- Николя, ты? Что нужно? Я занят!

- Принес письма и хочу кое-что показать. Это ненадолго.

- Заходи.

В первую очередь сын передал ему переводы, которые сразу начал читать Иван Никифорович.

- Хорошо, молодец. Что ты хотел показать?

- Вот, на крючок попалось у ивняка на мысу. – сын положил находки перед отцом на то самое письмо, и очень удивился реакции отца. Тот ухватился левой рукой за сердце, а правая немного помяла письмо, когда отец поднимал крестик и кольцо.

- Папенька, что с Вами?

- Мммда! От судьбы не уйдешь! Это я бросил в реку после похорон твоей матери. Не хотел оставлять это ни в гробу, ни дома. Мама говорила, что это какой-то амулет, древнехристианский. А кольцо я ей надел в день свадьбы. Оно должно было быть на цепочке.

- Да, я узелок развязал, папенька. Все было грязное, в глине и песке, кольцо полностью было забито.

- Бабушке не говори, что нашел. Она очень хотела забрать амулет себе. Из-за этого не захотела переехать сюда и хоть чем-нибудь помочь. Последние два года даже не приезжает на твои именины. Всё, иди. Дай мне побыть одному.

Сын вышел и лег на софу в своей комнате. Через час открылась дверь и туда без стука вошел отец с заплаканными глазами. Он держал в руках какую-то записку, из кулака второй руки свисала цепочка.

- Вот что, до вступительных экзаменов – 12 дней. Выедешь послезавтра. Это – адрес бабушки. Ты был там только один раз, поэтому, конечно, не помнишь. Дата на кольце – не день свадьбы, а день, когда, скорее всего, был зачат ты. Её родители отказали нам в помолвке, Таня уехала сюда после этого, а я тогда жил в Боровичах, на квартире. Познакомились мы

здесь, на том самом мысу. Она ходила по воде босиком, поскользнулась и упала в воду. Я тогда в водной полиции работал. Прыгнул за ней в воду и помог выбраться на берег. Ниже по течению глинистый обрыв и глубоко. Потом два дня лодку искал. Поэтому она и приехала сюда. А я сидел на том мысу. Аттестация на меня уже ушла в столицу, через две недели я стал советником. Если бы мы не поспешили со сватовством, может быть, всё было бы по-другому. Так что, кольцо бабушке не показывай, а амулет – отдай ей. – сказал отец, развернулся и вышел.

Через день, утром, Тимофей подал двуколку, туда погрузили несколько баулов, Николай сел на сиденье, Тимофей остался на облучке. Иван Никифорович сел рядом с сыном. Они тронулись.

- Я подъеду ко дню сдачи вступительного экзамена. – сказал отец и снова у него из глаз полились слезы. – Езжайте прямо в корпус. Ты, Тимофей, сразу возвращаешься обратно.

- Понял, барин!

- Гляди у меня! Не пей!

На первом же повороте малыш сказал отцу, что ему книгу надо завезти учителю французского. По дороге заехали к нему. Для живущих в 21-м веке расстояние от Боровичей до Петербурга – сущая ерунда, всего 317 километров, чуть больше трех часов езды. А в то время автомобилей не было, и железная дорога была одна: от будущего Витебского, тогда Царскосельского, вокзала до Царского Села. Но уже существовали «ямы». Поэтому в Боровичах предстояла пересадка на дилижанс. Причем, Коля ехал в дилижансе, а Тимоха на запятках. Отец, оплатив дорогу, поехал на работу на той самой двуколке. Так было чуть быстрее и безопаснее. Дилижансы меняли лошадей через каждые 20-30 километров, поэтому передвигались гораздо быстрее, чем частные кареты или повозки. В одиночку 10-тилетний мальчик преодолеть такое расстояние не мог. Кроме того, дилижансы меняли не только лошадей, но и ямщиков, поэтому на ночевку не останавливались. Пассажир мог остановиться в любой «яме» и отдохнуть, но, если там были места. В этом случае, он оплачивал дорогу не полностью, а до той ямы, до которой доехал. Николаю и Тимофею «отдых» не грозил, дорога была оплачена полностью. Для «запяточников» там существовали ремни, чтобы не вывалились во сне и на ходу. Дилижансы ночью тоже двигались, правда, не на всех маршрутах. Поэтому через пять суток Николай и Тимофей пересели из дилижанса на извозчика и прибыли на набережную Большой Невы, где и находился 1-й Кадетский корпус, который в то время занимал бывший дворец Меншикова, поэтому «линии» на Васильевском начинаются с «Кадетской». Тимофей остался на улице с вещами, а Николай, как учил его отец, отдал рапорт дежурному офицеру и передал ему пакет. До начала экзаменов оставалось три дня.

- Где родители? – спросил его офицер.

- Маменька почила в бозе 10 лет назад, папенька еще на службе, будет через три дня.

- Вот через три дня и заходи.

- Извините, господин штабс-капитан, наше имение под Боровичами. Внутри пакета письмо начальника корпуса, где указано, что я обязан прибыть сегодня и мне назначен экзамен для поступления в морскую роту.

- Вестовой! Проводи барчука в канцелярию. – нехотя ответил офицер и вернул Николаю пакет. Подошедший кадет-второкурсник приказал следовать за ним. Они прошли по коридору и остановились у массивной дубовой двери. Вестовой аккуратно постучался и открыл дверь, сделав рукой знак Коле, чтобы не входил.

- Кандидат, войдите! – сказал он через минуту, чуть приоткрыв дверь.

Коле пришлось еще раз докладываться и передать пакет с документами. Пехотный офицер в парадной форме разрезал ножницами конверт, вынул бумаги, рассортировал их и довольно долго рассматривал, начиная с письма начальника корпуса.

- Так-так, сирота, а отец – инвалид. Это меняет дело.

Заглянул в какой-то журнал, что-то написал там и положил журнал на стойку.

- Распишитесь, там, где галочка.

Николай расписался. Так повторилось несколько раз.

- Это направление на экзамены. Сейчас во второй жилой корпус, Вас там разместят.

- У меня дядька возле вещей, его пропустят?

- Пропустят. Скажи дежурному, что я разрешил. Его документы приняты. – обращаясь уже к вестовому ответил офицер и сразу потерял интерес к происходящему.

- Кандидат! Следуйте за мной!

В общем, через пару часов, положив в карман направление на экзамен и адрес бабушки, мальчик вышел на набережную, подозвал извозчика, назвал адрес и через 10-15 минут оказался на Большой Морской улице у Почтамтского моста. Позвонил в дверь, которую открыл, одетый в ливрею, дородный швейцар.

- Вы к кому? – поинтересовался тот.

- К бабушке. Вот моя визитка.

- Ой, Николай Иванович, припозднились Вы. Проходите. – швейцар задвинул засов. Мальчик с интересом рассматривал в это время огромную прихожую с расписным потолком.

- Нет больше Настасьи Филипповны. Третьего дня похоронили. Душеприказчик здесь. Пройдемте, я провожу.

Они поднялись на второй этаж по широкой лестнице, повернули направо, швейцар постучался в одну из дверей и открыл её. Кабинет, огромный письменный стол, за которым сидел господин во фраке и что-то писал.

- Господин Вельяминов, внук Настасьи Филипповны прибыли. Не помешает?

- Нет, пусть проходит. Мда, совсем малец. Вот что, молодой человек, я как раз пишу письмо Вашему отцу, так как по завещанию глубокоуважаемой Анастасии Филипповны именно Вы являетесь её единственным наследником. Через пять дней, во вторник, я зачитаю вам и Вашему отцу завещание. А кто Вам сообщил о несчастье?

- Швейцар внизу, несколько минут назад. Я приехал поступать в Кадетский корпус, в морскую роту. О смерти бабушки ничего не знал. Она два года к нам не приезжала. Когда это произошло.

И душеприказчик назвал день и час, когда Николай вытащил из воды злополучный амулет и кольцо. У мальчика перехватило горло. Он побледнел и сел на диван.

- Воды, дайте воды.

- Вот, сельтерская. – Вельяминов подошел и передал ему стакан с шипящей жидкостью. Николай глотнул и закашлялся. У него забрали стакан и похлопали по спине. Когда спазм прошел, Коля ещё раз взял воду и осушил весь стакан.

- Да вы не волнуйтесь, молодой человек, поздно уже. Её уже не вернешь. А вы – единственный наследник многомиллионного состояния. И Вам придется подумать: стоит или не стоит Вам идти на военную службу.

- Я всю жизнь мечтал стать военным моряком.

- Кои Ваши годы, молодой человек. Подумайте о моих словах! Впрочем, из-за Вашего возраста, в полные права вы вступите в 16 лет. Пока, без подписи Вашего родителя, вы не можете распоряжаться всем этим. Так что, время у Вас есть. Можете успеть получить офицерский чин и выйти в отставку. Дело неспешное. Мне требуется присутствие Вашего отца.

- Он уже едет в Петербург. Через три дня будет здесь. Меня он послал вперед намеренно, чтобы я успел погостить у бабушки. Его в этом доме не принимали, а ко мне бабушка приезжала каждый год в начале мая, на день ангела и день смерти дочери, моей матери.

- Я давно являюсь душеприказчиком госпожи Воронцовой, я в курсе событий.

Попрощавшись с господином Вельяминовым, Николай пешком двинулся в сторону набережной. Память у него была цепкой, и он запомнил путь, по которому ехал. В городе он в первый раз, и ему хотелось посмотреть его.Город довольно сильно отличался от современного

нам. Всем нам известного Дворцового моста еще не существовало, как не было и Исаакиевской площади. Собор был весь в лесах и достраивался. За Сенатом, после памятника Петру, через Неву был переброшен «плашкоутный мост», предмостья которого существуют и сейчас: у памятника Петру I, а на Васильевском – между зданиями Восточного факультета ЛГУ и дворцом Меншикова. Во дворце тогда и находился Кадетский корпус. Перейдя Неву, Николай вошел в корпус, предъявил направление и прошел в «свой» 2-й корпус. Еда у него ещё была, но ни одного трактира по пути не было. Так что, всухомятку пришлось ужинать, за что и получил первое замечание от фельдфебеля класса:

- Кандидат! В жилых помещениях употреблять пищу запрещено!

- Я был на Мойке, пока шел сюда – не видел ни одного трактира.

- Направление на экзамен получили, значит вы поставлены на довольствие и расписались за это.

- Мне об этом и слова не было сказано! Извините, но я об этом не знал.

- Днем сидеть на кроватях запрещено. Вот стулья. Немедленно поправьте койку. Привыкайте, кандидат!

- Есть, привыкать.

- Распорядок дня висит на тафеле, на стене в коридоре. В 20 часов – построение на ужин.

- Есть, господин фельдфебель.

В общем, армейская жизнь началась, хотя пока он всего кандидат в кадеты.

Через три дня, одним из первых он прошел собеседование, и за полчаса сдал письменную работу по математике. Так как он – сирота и сын инвалида войны, то на этом вступительные экзамены закончились. Он был принят в морскую роту корпуса, переобмундирован, и получил неделю отпуска до окончания приемных экзаменов другими кандидатами. Выскочив из корпуса, в Румянцевском садике встретился с отцом. Они виделись утром, но Николай был в строю кандидатов, а с их родителями беседовал начальник корпуса. В парке на скамеечке сидело несколько человек, видимо также ожидавших своих «чад». Все были в военной форме и с какими-нибудь увечьями. Коля был первым, кто прибежал в парк в новенькой форме. Его чуть не затискали! Он пошел с прихрамывающим отцом к мосту. По пути он рассказал о том, что бабушка умерла.

- О господи, прими её в свои объятья! Земля ей пухом! – ответил отец и перекрестился. Они перешли через Неву и медленно пошли мимо Сената. Вышли на Большую Морскую и повернули к дому бабушки. Сын просто хотел показать его отцу. Но тот решительно покрутил звонок. Дверь открыл тот же швейцар.

- Здравствуйте, молодой барин! Примите мои поздравления, господин кадет!

- Здравствуйте. Благодарю! Меня приняли в корпус.

- А это кто?

- Мой папенька, у нас назавтра встреча с господином Вельяминовым.

- А переночевать – негде. – добавил Иван Никифорович, решивший сразу взять быка за рога.

- Проходите, господа! Я в курсе, что дом теперь принадлежит Николаю Ивановичу, но требуется Ваша подпись на документах. Насчет обеда и всего остального я распоряжусь. А где Ваши вещи?

- Вот, один баул. – ответил отец, – Я завтра или послезавтра возвращаюсь на службу. Здесь я не останусь. Подпишу нужные бумаги и назад в Коломенку, к могиле Татьяны Владимировны.

- Мир её праху! Уж как мы её любили и как горевали что померла! Проходите!

Их разместили в «гостевых комнатах», официально они, пока, гости, а не хозяева. Завтра, после того, как оба распишутся в бумагах, дом и остальное перейдет в их собственность. Что там в «остальном» оба ещё не знают. Познакомились с мажордомом, который показал им

кабинеты бабушки и дедушки. Последнего Николя совершенно не помнил, но именно дед, по словам мажордома, в свое время распорядился передать все единственному внуку. Братья матери, все трое, погибли на Бородинском поле. Двое служили в личной гвардии генерала Багратиона. Один был убит на поле боя, второй получил тяжелое ранение вместе с Петром Ивановичем, и умер в госпитале под Владимиром. Судьба третьего брата матери осталась неизвестной, гусар, пошел в контратаку, из боя не вышел. Все трое обзавестись семьями не успели. Кабинет деда Николаю очень понравился. Существовали ещё родственники, один из которых был фельдмаршалом, но их претензии разбивались о завещания деда и бабушки. Дед умер, когда Николаю было всего три года.

Обед и обстановка в столовой поразили мальчика своей роскошью. Целая стая слуг обслуживала двух человек, причем их посадили друг против друга, и за спиной у каждого было по два официанта. Все старались понравиться новым владельцам: они все или почти все были крепостными, а не свободными людьми. Не понравишься – ушлют в какую-нибудь «Коломенку». Так что разыгрывалась трагикомедия в духе: «путь к сердцу любого человека лежит через желудок». Николенька, не привыкший к такой роскоши, чувствовал себя не в своей тарелке. А тут ещё и не совсем удобная, чуть великоватая, новенькая форма! Кстати, мажордом это заметил, и после обеда Колю облачили в халат, а форму передали местным рукодельницам, которые его всего обмерили, и через пару часов принесли обратно, уже подогнанную по фигуре, и с золоченными «генеральскими» пуговицами. Он немного побродил по заднему двору и обнаружил прекрасную мастерскую, в которой были станки, приводимые небольшой паровой машиной. Был и кузнец. А как без него, если куча карет, колясок, кабриолетов и больше 20 лошадей. Кузнец обещал научить ребенка работать на станках. Все станки были английскими, французскими или немецкими. Он сразу спросил мастера:

- А почему их везли из такой дали.

- Так в России их не делают.

- Странно!

- Ничего странного, молодой барин. У нас ведь как: свободных людей не так много, остальные в крепости. Купит хозяин – значит будет работенка, нет – никакой работы не будет.

Николай сходил переоделся, и вернулся в мастерскую. Дома, в Коломенке, кузня была, а станков не было, тем более с приводом от паровой машины. Поэтому он всё время до ужина провел в мастерской. Отец же беседовал с тремя управляющими и мажордомом. Все четверо были людьми свободными, так сказать, профессионалы. Так что, глаз да глаз нужен. Так что, прид

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.